

Отзыв
на диссертацию К.А. Колобовой «Верхний палеолит Западного
Памиро-Тянь-Шаня», представленную на соискание ученой
степени доктора исторических наук по специальности
07.00.06 — археология.

Рассматриваемая диссертационная работа К.А. Колобовой посвящена важной и актуальной проблеме каменного века Средней Азии - эпохе регионального верхнего палеолита, которая до недавнего времени оставалась весьма слабо изученной. Как писал выдающийся исследователь азиатского палеолита В.А. Ранов, в конце XX века в Средней Азии было известно всего лишь два многослойных стратифицированных памятника: Самаркандская стоянка в Узбекистане и Шугноу в Таджикистане, в то время как верхний палеолит грота Обирахмат и соответствующих горизонтов Кульбулака не имели ни установленной даты, ни убедительной характеристики. Поэтому любое обобщение по этому периоду было затруднено из-за недостаточного количества материала [Ранов, 1988].

Показательно, что первый исследователь Кульбулака М.Р. Касымов мог датировать данный памятник только в широких хронологических рамках - второй половиной верхнеплейстоценового (голодностепского) цикла, предлагая весьма расплывчатые описания, где наряду с призматическими, конусовидными и дисковидными нуклеусами, концевыми скребками, проколками, резцами отмечаются также режуще-скребущие и выемчато-режущие орудия [Касымов, 1990], которые не вносят ясности в определении особенности кульбулакской индустрии. Также отмечено присутствие архаичных форм, включая остроконечники, скребла, выемчатые и зубчатые орудия [Касымов, 1972]. Последние также представлены в коллекциях Самаркандской стоянки и Шугноу. Все это давало повод ряду

исследователей рассматривать верхний палеолит Средней Азии в качестве весьма архаичного явления с мозаичными характеристиками. Данная точка зрения была преобладающей.

Новому взгляду на верхний палеолит Средней Азии способствовали интенсивные и плодотворные археологические исследования, проведенные в 2007–2011 годах на стоянке Кульбулак силами международной экспедиции, организованной Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия), ИА АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан) и Королевским музеем искусств и истории (г. Брюссель, Бельгия), в которых К.А. Колобова принимала самое активное участие в качестве одного из руководителей раскопок. В двух верхних слоях был обнаружен обильный и разнообразный археологический материал. Дополнительно, во время полевых работ удалось обнаружить два новых стратифицированных памятника — Кызыл-Алма-2 и Додекатым-2, коллекции каменных изделий которых и составили ядро обсуждаемой диссертации. Важно, что при раскопках были получены абсолютные даты, демонстрирующие значительную древность индустрии из верхнепалеолитических слоев Кульбулака (около 39 тыс. лет), соответствуя общему облику начального верхнего палеолита. Более поздними оказались даты стоянки Додекатым-2, которые варьировали в пределах 23-21 тыс. лет, согласуясь с более развитым характером индустрии.

Обильный археологический материал был обработан на основе четкой технико-типологической системы, основные элементы которой, включая новейшие разработки в области технологии изготовления каменных орудий, были предложены непосредственно К.А. Колобовой. Тщательный анализ дал возможность выявить совокупность общих признаков, которые позволили объединить оба слоя Кульбулакской стоянки, Кызыл-Алмы-2 и Додекатыма-2 в единый комплекс. Позднее сюда будут включены и материалы такой важной стоянки верхнего палеолита, как Шугноу, изученной ранее В.А.

Рановым. В результате речь идет о весьма значительной совокупности археологических памятников, представленных 13 самостоятельными слоями с преимущественно многочисленными коллекциями каменных изделий, в их числе два слоя Кульбулака, пять Дотекатыма-2, один Кызыл-Алмы-2 и пять Шугноу.

Очень существенно, что К.А. Колобовой впервые удалось выявить важнейший и ключевой, на мой взгляд, компонент кульбулакской индустрии, на который никто из предшественников не обращал должного внимания. Это так называемая кареноидная технология расщепления камня, позволяющая получать заготовки (включая микропластинки) очень мелких размеров, часто с искривленным профилем. На основе атрибутивного анализа этих изделий, как указано в диссертации, удалось восстановить основные этапы утилизации нуклеусов данной типологической принадлежности, включая выбор заготовки, оформление ударной площадки, инициацию расщепления, подживление в процессе редукции и прекращение расщепления. Результаты наблюдений, показали, что кареноидные нуклеусы всех типов в исследуемых индустриях принадлежат к одной технологической схеме. Ограниченное количество вариантов ядрищ и их подправок в комплексах свидетельствуют, как отмечено в диссертационной работе, как о технологическом единстве изученных ансамблей, так и о том, что единая кареноидная технология в рассматриваемых комплексах предстает перед нами в уже сложившемся виде с устоявшимися техническими приемами.

В принципе, под формами «каренэ» (килевидными), как правило, всегда описывались скребки и резцы, которые обычно воспринимались как орудия. Чаще всего это было именно так, что подтверждается многочисленными трасологическими исследованиями как западных, так и отечественных ученых [Коробкова, Кигурадзе, 1972]. Данные формы орудий, как известно, широко распространены во времени, начиная с начального раннего палеолита и кончая верхним палеолитом, где они наиболее часто

встречались в ориньякоидном технокомплексе. В раннем и среднем палеолите они всегда были орудиями, а получаемые с них микросколы никак не использовались, оставаясь отходами производства. Здесь, естественно, отсутствовало и подживление ударных площадок.

Примеры индустрий с кареноидными формами мне хорошо известны с территории юго-запада Восточной Европы, где они прослеживаются в течение всего палеолита. В качестве же нуклеусов эти формы стали использоваться только в самом начале верхнего палеолита, знаменуя, скорее всего, появление вкладышей для костяных (роговых) наконечников. Правда, как показывают данные трасологии, скребки и резцы часто продолжали применяться в качестве орудий.

В ряде предшествующих статей и в рассматриваемой диссертации «кареноидные» нуклеусы и соответствующая технология получили четкое обоснование и описание. Они обладают следующими характеристиками: 1) принцип расщепления - объемный; 2) фронт ядрища изогнут в профиле, придавая изделию килевидный облик; 3) зона ударной площадки образует плавную дугу; 4) ядрища предназначены для получения мелких пластинчатых заготовок. Было отмечено, что кареноидные формы и технология не зарождались в недрах кульбулакской культуры, а появились уже в развитом виде на этапе замещения ее иными стратегиями получения микропластинчатых технологий. На основе этой технологии и суммы иных технико-типологических признаков была выделена группа памятников с самобытным микролитическим инвентарем, широко использующая микропластинчатую технику. В орудийных наборах выделенных комплексов присутствуют как простые скребки, резцы, проколки, долотовидные, выемчатые и зубчатые формы, так и специфичные типы орудий: вентральные скребки, скребки с шипом, ортогональные и микро-долотовидные орудия, пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех), треугольные микролиты. Продолжают встречаться также и

мустьерские формы, включая немногочисленные дисковидные нуклеусы, скребла и остроконечники. Последние, если говорить о кульбулакской индустрии, относительно многочисленны. Мустьерские остроконечники, изготовленные чаще всего на пластинчатых заготовках, привлекают особое внимание как формы исключительно редкие в комплексах начального верхнего палеолита Европы.

С применением системного анализа всей совокупности технико-типологических показателей были выработаны и использованы основные критерии выделения археологической культуры верхнепалеолитической эпохи, на основании которых группа была охарактеризована как «кульбулакская археологическая культура», которая существовала в течение долгого времени - от 39 тыс. лет до почти 11 тыс. лет тому назад. В данной диссертации комплексы со сходным каменным инвентарем объединены в единую археологическую культуру на основе следующих критериев: 1) сходство на уровне типологии и технологии первичного расщепления: присутствие специфических схем и приемов раскалывания, направленных на получение определенных типов заготовок, выраженное в устойчивых морфологических признаках основных категорий первичного расщепления; 2) сходство на уровне типов и композиции орудийного набора, а также приемов вторичной обработки; 3) отмеченные для данной культуры особенности должны иметь характерные отличия от синхронных комплексов соседних территорий, что позволит определить географические рамки существования культуры. Основательный технико-типологический анализ дал возможность установить три этапа развития, связанных с изменением групп каменного инвентаря. В частности, на позднем этапе, характеризуемым только слоями 2-4 Додекатым-2, отчетливо отмечается замена кареноидных нуклеусов более совершенными призматическими, с которых скалывались микропластинки уже с прямыми профилями, а среди орудий ведущую роль начинает играть микроинвентарь. Четко

прослеживается единый вектор развития, который характерен для всей совокупности рассматриваемых памятников.

В целом, следует отметить, что кульбулакская культура, как и все региональные памятники, имеющие с ней существенное сходство, дает представление о некоем культурном явлении, в значительной мере основанном на микропластинчатой технологии с микролитическими формами орудий. В этом плане, как мне представляется, К.А. Колобова убедительно реконструирует очевидную связь кульбулакской культуры с комплексами верхнего палеолита Переднего и Ближнего Востока, обнаруживая заметное сходство развитого этапа кульбулакской культуры с ориньякоидными комплексами этих территорий. Последние, включая преориньяк северного Средиземноморья, где также хорошо представлена кареноидная технология, без сомнения оказывали в той или иной степени влияние на развитие палеолитических культур западной части Средней Азии. Возможная специфика кульбулакской индустрии, расположенной на окраине этой историко-культурной области, заключается, на мой взгляд, в относительно долгом переживании здесь мустьерских черт.

В настоящее время отмечается, что верхний палеолит на огромных пространствах Евразии часто имеет местное происхождение, формируясь на основе региональных вариантов мустье. В соответствии с имеющимся абсолютными датами, некоторые варианты среднеазиатского мустье могли сосуществовать, как и в некоторых регионах Европы, с начальным верхним палеолитом, синхронным раннему этапу кульбулакской культуры. Данных же о наличии здесь «пережиточного мустье» нет. Развитие осуществлялось сложным путем, основываясь на предложенной в диссертации модели регулярного и разнонаправленного межкультурного взаимодействия.

Очевидно, как следует из диссертации, характерное для регионального мустье спонтанное развитие сменилось стимулированным. Подобная система эволюции достаточно распространена, отмечаясь как в Азии, так и в Европе

[Деревянко, 2011; Анисюткин, 2005; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007].

Однако в данной диссертационной работе имеются определенные недостатки и весьма спорные положения. Недостатком, который усложняет, на мой взгляд, восприятие ряда положений диссертации, является отсутствие поясняющих таблиц и схем. В этом плане вынос многих интересных и необходимых данных в приложение не является, на мой взгляд, удачным решением.

Спорным положением можно считать утверждение о том, что индустрия Самаркандской стоянки соответствует развитому этапу развития Кульбулакской культуры, а большинство галечных форм орудий следует считать нуклеусами. Анализ опубликованных галечных орудий указывает на то, что их края и концы были оббиты для получения рабочих краев, а не являются негативами снятых с нуклеуса отщепов. В коллекции Самаркандской стоянки абсолютно преобладают орудия на отщепах и пластинах из кремня и халцедона, в то время как изделия из галечного сырья - единичны. Не является убедительным способ подсчета количества пластин по соответствующим негативам ядрищ. В целом же общий вывод о значительном проценте пластин в индустрии Самаркандской стоянки не доказан.

Неточным является указание на то, что В.П. Любин не выделял археологических культур: этот вывод следует лишь из использованной публикации 1972 года. Однако в 1977 году вышла монография этого ученого, не учтенная в диссертации, под названием «Мустьерские культуры Кавказа», где выделялись археологические культуры даже в эпоху мустье.

Сделанные мною выше замечания имеют в основном дискуссионный характер и не влияют на высокую оценку диссертации.

Рассматриваемая диссертационная работа К.А. Колобовой является оригинальным, самостоятельным и ценным научным исследованием, посвященным актуальной теме - верхнему палеолиту Средней Азии. Впервые выделенная и научно обоснованная Кульбулакская культура позволяет по-новому воспринимать эту эпоху на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня. Данная культура, как смогла доказать К.А. Колобова, указывает на ее связь с верхнепалеолитическим миром культур Передней Азии и Ближнего Востока, образуя своеобразную и обширную историко-культурную общность. Этот вывод является основополагающим.

Выделение археологической культуры, основанное на технико-типологическом анализе с атрибутивным подходом, является убедительным и доказательным. Несомненно, что основной технико-типологической характеристикой является мелкопластинчатое расщепление, направленное на производство типологически развитого инвентаря, включая геометрические формы. Обосновано выделение трех этапов развития каменной индустрии, где отмечено постепенное и направленное изменение технических и типологических показателей. В диссертации доказано, что основой верхнего палеолита являются региональные переходные комплексы, что указывает на преемственность развития культуры в палеолитическое время в пределах данного региона.

Основные выводы диссертации соответствуют требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней». Данная работа может быть оценена как существенное научное открытие. В ней впервые дано и научно обосновано абсолютно новое представление о развитии культуры позднего палеолита запада Средней Азии, образующего единую историко-культурную общность с прилегающими территориями Передней Азии и Ближнего Востока. К тому же, композиции основных технико-типологических признаков, предложенных при выделении Кульбулакской культуры и этапов ее развития, могут быть использованы при атрибуции новых массовых

материалов верхнепалеолитического времени, включая, прежде всего, памятники без стратиграфического контекста. Кроме того, научно-практическая значимость диссертации состоит и в том, что ее результаты могут быть использованы в подготовке обобщающих трудов по древнейшей истории Средней Азии.

По теме диссертации издано 44 публикации, включая одну монографию и статьи в зарубежных изданиях. Основные положения публикаций полностью согласуются с выводами диссертационной работы.

Автореферат целиком соответствует структуре и содержанию диссертации.

Диссертация, являющаяся важным научным открытием, выполнена на самом высоком научно-профессиональном уровне. К.А. Колобова без сомнения заслуживает присуждения ей искомой степени доктора исторических наук.

Ведущий научный сотрудник Отдела палеолита Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук

доктор исторических наук Н.К. Анисюткин.

8 апреля 2014 года.

Подпись ведущего научного сотрудника Отдела палеолита ИИМК РАН, д.и.н. Анисюткина Н.К. «Удостоверяю»:

Ученый секретарь ИИМК РАН, к.и.н. С.А. Кулаков.

